

© 2022. *Ольга Деханова*
Москва, Россия

Характерологические функции неопрятности в произведениях Ф.М. Достоевского и его современников

© 2022. *Olga A. Dekhanova*
Moscow, Russia

The Characterological Functions of Untidiness in the Works of Fyodor Dostoevsky and His Contemporaries

Информация об авторе: Ольга Алексеевна Деханова, кандидат фармацевтических наук, г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-2216-2548>

E-mail: Dh369@yandex.ru

Аннотация: Статья представляет собой продолжение исследования ольфактория Достоевского в контексте культурно-исторических особенностей второй половины XIX века. Вовлеченность общественного сознания в становление новых гигиенических стандартов привела к принципиальным изменениям в ольфактории российской словесности. Постепенное преодоление эстетических запретов позволило использовать неприятные запахи, связанные с жизнедеятельностью человека, в качестве художественной детали с негативной оценкой.

Оценка запаха (приятный/неприятный) — это культурный феномен, который во многом зависит от исторических, национальных, религиозных, экономических особенностей общества. Кроме того, оценка запаха — это и один из элементов комплекса опрятности, исторически сложившейся знаковой системы, определяющей групповую идентичность. Отклонения от установленных культурных норм (неопрятность) определяют социальные границы общества, заданные на обонятельном уровне.

Запахи неопрятности, к которым активно обращаются современники Достоевского, — это специфическая вонь невымытого тела, запахи пота, мочи

и прочих биологических выделений, запах нечистой одежды, смрадный запах дыхания, в том числе и запах винного перегара. Кроме того, использование для сравнительного описания «пахнет как» неуместных для телесной сферы запахов или запахов болезни формирует обширное негативное метафорическое поле.

Обращение Достоевского к ольфакторным деталям для характеристики персонажей подчиняется, с одной стороны, общим закономерностям, с другой — имеет ряд особенностей личного характера. К таким особенностям можно отнести его пристальное внимание к чистоте белья персонажей. Эта деталь присутствует практически в каждом описании внешнего вида. Прямые указания на связь нечистого белья и неприятного запаха составляют незначительную группу среди этих описаний. Тем не менее, указания на нечистое белье и неопрятный вид персонажа обладают ольфакторными свойствами, так как порождают ощущение ожидаемого неприятного запаха.

В статье, кроме того, рассмотрена особенность использования негативных телесных запахов в романе «Братья Карамазовы» Достоевского и в рассказах Лескова.

Ключевые слова: Достоевский, телесные запахи, запахи повседневности, опрятность, Лесков.

Для цитирования: Деханова О.А. Характерологические функции неопрятности в произведениях Ф.М. Достоевского и его современников // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 2 (18). С. 144–174. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-144-174>

Information about the author: Olga A. Dekhanova, PhD in Pharmaceutical Sciences, Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-2216-2548>

E-mail: Dh369@yandex.ru

Abstract: The article is the continuation of a study on Dostoevsky's olfactory in the cultural and historical context of the second half of the 19th century. The involvement of public consciousness in the formation of new hygienic standards led to fundamental changes in the olfactory of Russian literature. The gradual overcoming of aesthetic prohibitions made it possible to use unpleasant odors associated with human activity as an artistic detail with negative assessment. Smell rating (pleasant/unpleasant) is a cultural phenomenon that largely depends on the historical, national, religious, and economic characteristics of a society. In addition, the assessment of smell is also one of the elements of tidiness, a historically established sign system that determines a group identity. Deviations from established cultural norms (untidiness) determine the social boundaries of society at the olfactory level as well. The smell of untidiness, to which Dostoevsky's contemporaries actively address, consist a specific stench of unwashed body, smells of sweat, urine and other biological secretions, the smell of unclean clothes, the stinking smell of breath, including the smell of wine fumes. In addition, the use of smells inappropriate for the bodily sphere or the smells of illness for the comparative description of "smells like" forms an extensive negative metaphorical field.

Dostoevsky's use of olfactory details to define his characters follows, on the one hand, general patterns, and on the other, has a number of personal features,

including his close attention to the cleanliness of the characters' underwear. This detail is present in almost every description of appearance. Direct references to the connection between unclean underwear and unpleasant odor can be found in a very small group of descriptions, nevertheless, indications of unclean underwear and the untidy appearance of a character have olfactory properties, as they generate a sense of expected unpleasant smell. In addition, the article considers the peculiarity of the use of negative body odors in the novel *The Brothers Karamazov* by Dostoevsky and in Leskov's stories.

Keywords: Dostoevsky, body odors, scents of everyday life, tidiness, Leskov.

For citation: Dekhanova, O.A. "The Characterological Functions of Untidiness in the Works of Fyodor Dostoevsky and His Contemporaries." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (18), 2022, pp. 144–174. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-144-174>

XIX век внес существенные изменения в ольфакторий российской словесности, перешагнув через все существовавшие к тому моменту эстетические запреты. Влияние элементов аллегорических традиций образов Memento mori европейской литературы, легализовавших негативные запахи, совпало с началом бурного развития естественнонаучных дисциплин и постепенной медикализацией общественного сознания. Уже в 40-х годах в Петербурге состоялось открытие Института практической анатомии, Н.И. Пироговым издается «Полный курс прикладной анатомии человеческого тела», в 50-х годах Луи Пастером были заложены основы микробиологической теории инфекционных болезней, в 60-х годах работы Льюиса «Физиология обыденной жизни», Ч. Дарвина «Происхождение видов» и И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» стали самыми читаемыми изданиями и объектами самой яростной общественной полемики. Самоотверженная деятельность медиков, препарирующих вонючие, заразные трупы, облечена теперь пафосом бескорыстного служения идеалам медицины будущего, и в литературе стали появляться новые, положительно прекрасные образы «новых людей», а читателям предлагалось не только увидеть во всех отвратительных подробностях лазареты и морги, но и почувствовать их атмосферу, насыщенную запахом лекарств, карболки и гниющей плоти. В то

же время смрад грязных жилищ, невозможность практик личной гигиены, запахи скученности, — все это воспринималось теперь не только как источники потенциальной опасности заражения, но и как социальные границы общества, заданные на обонятельном уровне: вонь немытого «народа» и запах чистого тела высших классов¹.

Кроме того, препарирование как сугубо медицинский процесс переносится в сферу литературной деятельности и декларируется как метафорическое понимание анатомической стратегии автора, вскрывающего отвратительные язвы общества².

Все эти события привели к постепенному снижению ольфакторной терпимости и формированию новых эстетических установок, включающих общепонимаемую, но недопустимую ранее в литературе, область зловония. Зловония, идентифицированного по источнику происхождения, привязанного к определенным визуальным образам, как инструменту коллективных коммуникаций.

Исследуя ольфакторий русской словесности в его исторической динамике, Зыховская отмечает: «<...> во второй половине XIX века — в рамках общего процесса демократизации литературы, ведущих типов героев, языка — ольфакторий переживает поворот к деэстетизации. Традиция связывать оценку запаха с вертикалью “благовоние — зловоние” (верх — низ, Бог — дьявол) уходит в подтекст, и на поверхности остается внимание к негативному воздействию запахов» [Зыховская, 2016, с. 298].

Область негативных запахов в литературе этого периода охватывает все сферы повседневного быта: запахи города и прочих открытых пространств, запахи интерьеров как частных, так и общественных, запахи тела, как «живого» (запах жизни), так и больного или умирающего (запах смерти), но предметом нашего исследования станет (анти)эстетика негативных телесных запахов

¹ Сомерсет Моэм со свойственной ему иронией замечал по поводу роли телесной чистоты в становлении классовых различий: «<...> нас от наших ближних отчуждает обоняние». «Ежедневная ванна обеспечивает классовую замкнутость куда эффективнее крови, богатства или образования. Недаром романисты, выходцы из трудового сословия, склонны превращать ее в символ классовых предрассудков <...> Изобретение “санитарных удобств” уничтожило в людях ощущение равенства. Оно повинно в классовой ненависти куда более, чем монополия капитала, сосредоточенного в руках немногих» [Моэм, 1994, с. 211–212].

² К. Богданов, анализируя публицистику 1860-х годов, указывает в качестве примера на статьи Д.И. Писарева, которые «особенно отличаются обилием (патолого)анатомических сравнений», приводя ряд цитат из его статей: «Сравнительный метод одинаково полезен и необходим как в анатомии отдельного человека, так и в социальной науке, которую можно назвать анатомией общества» («Погибшие и погибающие», 1866) [Богданов, 2010, с. 110].

(запахов «живого» тела) в произведениях Достоевского и его современников. «Деэстетизация» сферы телесного в литературе проявилась в возможности использовать неприятные запахи, связанные с жизнедеятельностью человека, в качестве художественной детали с негативной оценкой. Эмоциональная эффективность этого литературного приема опирается на психофизиологические свойства запахов — самые яркие впечатления оставляют самые неприятные запахи. Телесные запахи, к которым стали активно обращаться современники Достоевского, — это специфическая вонь немытого тела и, соответственно, запахи пота, мочи и прочих биологических выделений, запах заношенной нечистой одежды, смрадный запах дыхания, в том числе и запах винного перегара, запахи неприятные из-за своей неуместности, в том числе и различные ольфакторные метафоры и проч.

Здесь следует заметить, что определение запаха как приятного/неприятного — это условная категория, зависящая от культурно-исторических и национальных особенностей общества. Запах тела, как и любой другой запах, и в его биологическом, и в культурном понимании, не существует вне человеческого восприятия. Восприятие или оценка запаха — это культурный феномен, один из элементов комплекса опрятности, исторически сложившейся знаковой системы, определяющей групповую идентичность. Каждая эпоха диктовала свою обонятельную эстетику, свое представление о канонах опрятности.

В Европе XVII–XVIII веков запах тела и телесных выделений маскировался всевозможными душистыми составами, заменяющими воду, исключенную из повседневных гигиенических практик по причине, как считали, ее вредоносности³. Понимание опрятности в условиях ограниченного использования воды сосредотачивалось на элегантности внешнего вида, на внешней чистоте одежды и белья, на умении пользоваться румянами, духами, пудрой, на всем том, что доступно взгляду, что отражает причастность к определенной обще-

³ Начиная с XV века закрытие общественных бань по причине регулярных вспышек чумы отвечало понятной и теперь логике изоляции. Однако за этим стояла всегда и другая причина, историческое заблуждение, просуществовавшее в Европе вплоть до XIX века — пористость и проницаемость кожи, особенно под воздействием горячей воды. Мытье делает организм беззащитным — через открывшиеся поры легко проходят чумные испарения и прочие вредные миазмы. Мытье в ванне врачи прописывали только по медицинским показаниям, опасаясь непредсказуемого воздействия на организм. Подробнее об этом — см. [Вигарелло, 2010, с. 524–544].

ственной модели и исполняет «чисто представительские функции», как, например, «Саше, упрятанные в подмышечные или подколенные впадины, скрытые в складках платья или под камзолом, — еще один инструмент для обдуманного манипулирования видимостями» [Вигарелло, 2010, с. 550, 561].

В России в начале XVIII века началось становление светских приличий, закрепленных в различных руководствах, представляющих собой компиляцию различных переводов из европейских регламентов. Самым первым таким нормативным документом стал «Юности честное зеркало» (1719). Одно из важных замечаний в этом документе касалось недопустимости оскорбления обоняния окружающих нечистым дыханием или желудочными испарениями. В последующих всевозможных «Правилах» ни о каких гигиенических практиках пока еще не было и речи, предлагалось всего лишь отойти на «социальную дистанцию» [Захарьин, 2010, с. 297–299].

Утвержденный Екатериной II «Устав воспитания благородных девиц» предусматривал уже некоторые элементы личной гигиены, которые дополнили существовавшее понимание опрятности вниманием к чистоте тела: «<...> начальницы всевозможное старание прилагать обязаны о чистоте и опрятности молодых девиц». Для этого следовало следить, «чтоб девицы после кушанья руки умывали, а особливо во рту полоскали», «чтоб девицы, прогуливаясь в садах, питались свежим и здоровым воздухом <...> ибо ничто столько не пользует их здравие», чтоб «постели их также в чистоте содержаны быть должны как и они сами» и «употребление мыльни нужно; по чему и должно иметь оную для всех девиц» [Черепнин, 1915, с. 45–47]⁴.

⁴ Вплоть до середины XIX века кроме введения в повседневный обиход воспитанниц элементов личной гигиены ни о каких дополнительных знаниях в этой области не было и речи. Выпускница 1848 года вспоминает свое легкомысленное отношение к холере в Угличе: «Там была сильная холера, как и во многих городах, которыми мы проезжали, но я не понимала опасности и нисколько не остерегалась, употребляя вместо чая простоквашу» [Угличанинова, 1901, с. 50]. Ситуация могла бы принципиально измениться, если бы назначенный в 1859–1862 годах инспектором классов К.Д. Ушинский смог осуществить задуманный проект — расширить преподавание естественных наук и «по изложению естественных наук, прочесть в выпускных классах маленький курс гигиены», так как «сбережение здоровья не только своего собственного, но и целой семьи находятся весьма часто в руках матери и хозяйки, и не знание самых главных гигиенических правил ведет иногда к весьма гибельным последствиям» [Черепнин, 1915, с. 331–332]. Эта проблема образования касалась не только воспитанниц Смольного института, но и студентов медицинских факультетов, не многие из которых имели представление о санитарно-гигиенических нормах их профессии. Так, например, Аркадий научил-таки врача «мыть себе руки и чистить ногти, если уж он не может носить чистого белья. Я прямо растолковал ему, что это вовсе не для франтовства и не для каких-нибудь там

Начало XIX века, включившее ежедневные умывания, гигиену рта и рук в свой повседневный обиход, все еще рассматривало опрятность как проявление внешней эlegantности и чистоты. Так, в Энциклопедической азбуке «для детей и других некоторого возраста и звания людей» издания 1818 года, для соблюдения телесного здоровья предписывалось всего лишь «проветривать часто покои и наблюдать в оных чистоту, а около себя опрятность и переменять сколь можно чаще белье», но при этом: «В баню не учащать; ибо баня полезна только простому народу, который не очень чистоплотен» [Вавилов, 1818, с. 39].

Не претерпел никаких изменений и Устав Екатерининских времен для воспитанниц «благородных пансионеров». Вопреки всем усилиям К.Д. Ушинского ввести в программу обучения некоторые основы естественных наук и гигиены, понимание опрятности сохраняло свою консервативность практически до конца века, утверждая приоритет внешних проявлений чистоты на уровне чистого белья. В романе «Преступление и наказание» есть интересная реплика по этому поводу: относительно фантазий Катерины Ивановны о пансионе Амалия Ивановна замечает, <«...» что в будущем пансионе надо обращать особенное внимание на чистое белье девиц (ди вёше) и что “непремен должен буль одна такая хороши дам (ди даме), чтоб карашо про белье смотреть” <...»» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 299].

В «Руководстве к познанию светских приличий и правил общежития, принятых хорошим обществом» (1855) — все то же внимание исключительно к внешнему виду. Первое условие, предъявляемое к одежде светского человека — это «чистота и опрятность, строго наблюдаемая везде и всегда, даже и в то время, когда встают с постели; следовательно без всяких свидетелей» [Руководство, 1855, с. 22]. Категоричность указания «без свидетелей» предполагает, что опрятность для светского человека должна перейти из категории «соблюдение правил» в естественную норму повседневной жизни. Однако советы по соблюдению опрятности ограничены только областью манер, частных и общественных приличий, правил поведения в различных ситуациях и проч.

Точно так же и шестнадцатилетний подросток Иртеньев в трилогии Л.Н. Толстого, выстраивая свой кодекс *comme il faut*, не

изящных искусств, но что чистоплотность естественно входит в ремесло доктора, и доказал ему это» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 313].

включает в эту систему оценок какие-либо упоминания о телесной гигиене и запахах. «Двадцатирублевое сукно на сюртуке, дрожки и голландская рубашка» были социальной границей и «главную причину невозможности сближения» с однокурсниками в грязноватых ситцевых рубахах [Толстой, 1978–1985, т. 1, с. 331].

А вот «Правила светской жизни и этикета» 1889 года констатируют сложившийся уже к этому времени социальный смысл комплекса опрятности, включающий и соблюдение рекомендаций в отношении личной гигиены. Равновесие «внешнего» и «внутреннего» качнулось в сторону телесной чистоты: ежедневный утренний туалет предполагал уход за волосами, ногтями, умывание холодной водой, особое внимание уделялось чистоте зубов и рук, для содержания тела в чистоте рекомендовались ежедневные ванны, полуванны или обтирания: «Чистоплотность одно из действительнейших средств для сохранения здоровья; это лучший предохранитель от огромного числа болезней; она необходима, если мы только хотим быть принятыми в хорошем обществе. <...> Недостаток чистоплотности не имеет никаких оправданий: каждый человек имеет возможность быть чистым» [Правила, 1889, с. 45]. «Кроме чистоты тела <...> не менее важно — сохранять в чистоте платье. <...> Более всего требуется, чтобы белье было всегда чистое» [Правила, 1889, с. 46]. «Опрятная и приличная наружность почти всегда указывают на порядочность человека» [Правила, 1889, с. 57].

Стремительная эволюция понимания опрятности была обусловлена, прежде всего, вовлеченностью общественного сознания в становление новых гигиенических стандартов. Опрятность как проявление внешней чистоты и элегантности стала требовательна к доказательствам чистоты реальной, скрытой от глаз, определяемой на обонятельном уровне, как в повседневной жизни, так и в художественной литературе. Однако с точки зрения любого писателя отклонение от нормы всегда интересней самой нормы. Несоблюдение норм, а в нашем случае речь идет о неопрятности, — это жизненные коллизии персонажа, его «социодрама», его психологический портрет. По этой причине как сама лексема «неопрятный», так и всевозможные ее приметы и проявления стали одной из самых востребованных художественных деталей в литературе второй половины XIX века.

Замечу сразу, что проблема неприятных телесных запахов затрагивает, главным образом, персонажей мужского пола, в то время

как женщины продолжают благоухать изысканными ароматами⁵. Исключение составляют неопрятные старухи и дворовые девки.

Своеобразным литературным эталоном мужской опрятности можно считать Чичикова, который «Хотя <...> и должен был вначале протираться в грязном обществе, но в душе всегда сохранял чистоту <...>» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 233]. О его чистоплотности, трепетном отношении к телесным запахам, соблюдении приличий внешнего вида наиподробнее повествует автор на протяжении всего романа. Приготовление к вечеринке у губернатора «заняло с лишком два часа времени, и здесь в приезде оказалась такая внимательность к туалету, какой даже не везде видывано. После небольшого послеобеденного сна он приказал подать умыться и чрезвычайно долго тер мылом обе щеки, подперши их изнутри языком; потом, взявши с плеча трактирного слуги полотенце, вытер им со всех сторон полное свое лицо, начав из-за ушей и фыркнув прежде раза два в самое лицо трактирного слуги. Потом надел перед зеркалом манишку, выщипнул вылезшие из носу два волоска и непосредственно за тем очутился во фраке брусничного цвета с искрой» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 13]. «Читателю, я думаю, приятно будет узнать, что он всякие два дни переменил на себе белье, а летом во время жаров даже и всякой день: всякой сколько-нибудь неприятный запах уже оскорблял его» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 234]. «Самый воздух как-то облагородился: утвердился приятный запах здорового, свежего мужчины, который белье не занашивает, в баню ходит и вытирает себя мокрой губкой по воскресным дням» [Гоголь, 1937–1952, т. 7, с. 29]. «Белей и чище снегов были на нем воротнички и манишка, и, несмотря на то, что был он с дороги, ни пушинки не село к нему на фрак, — хоть приглашай сей же час его на именинный обед» [Гоголь, 1937–1952, т. 7, с. 28].

Сложно найти в литературе XIX века столь же подробное описание опрятного во всех отношениях персонажа. Даже облик «изящного и породистого» Павла Петровича Кирсанова («Отцы и дети») сделан всего несколькими характерными мазками: внешний вид — «прекрасно одевался», от него пахло — «необыкновенными, удивительно “благородными” духами», был чистоплотен — «всюду возил с собою настоящий серебряный несессер и походную ванну» [Тургенев, 1978–2014, т. 7, с. 33] и, конечно, содержал в безукори-

⁵ Подробнее об особенностях женских ароматов в произведениях Достоевского и его современников см. [Деханова, 2021, с. 121–151].

зненной чистоте руки: «<...> вынул из кармана панталон свою красивую руку с длинными розовыми ногтями, — руку, казавшуюся еще красивей от снежной белизны рукавчика, застегнутого одиноким крупным опалом <...>» [Тургенев, 1978–2014, т. 7, с. 18–19].

Внимание к внешней опрятности, к чистоте тела, к отсутствию неприятных телесных запахов было вызвано не только стремлением каждого к социальной идентичности, но и стремлением человека если не выйти победителем в борьбе за лучшее существование, то, по крайней мере, сохранить к себе уважение: «Мыло и вода — знак самоуважения. Опрятный человек может без страха взглянуть в лицо любому и сказать ему все как есть, — ведь когда ты опрятен, твоя внешность *поддерживает* тебя» [Классен, 2010, с. 422–423]. Цитируемые выше «Правила» видят в этом стремлении соблюдение христианских принципов в этике повседневных отношений: «Люди могут высказывать свое неуважение к другим разными способами, например, небрежностью в одежде, отсутствием опрятности, потворством дурным привычкам. Человек неряшливый и неопрятный, внушая к себе отвращение, тем самым проявляет свое пренебрежение к чувствам и вкусам других <...>» [Правила, 1889, с. 8].

Воспитанное с детства стремление к опрятности составляет суть конфликта Павла Петровича Кирсанова с Базаровым: «Я очень хорошо знаю, например, что вы изволите находить смешными мои привычки, мой туалет, мою опрятность, наконец, но это все происходит из чувства самоуважения, из чувства долга, да-с, да-с, долга» [Тургенев, 1978–2014, т. 7, с. 48].

По той же самой причине Катерина Ивановна, воспитанная в «благородном, можно даже сказать, в аристократическом полковничьем доме», каждый день стирает детское белье [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 140], а Разумихин тщательно готовится к визиту в номера Бакалеева: «<...> одеваясь, он осмотрел свой костюм тщательнее обыкновенного. Другого платья у него не было, а если б и было, он, быть может, и не надел бы его, — “так, нарочно бы не надел”. Но во всяком случае циником и грязною неряхой нельзя оставаться: он не имеет права оскорблять чувства других, тем более что те, другие, сами в нем нуждаются и сами зовут к себе. Платье свое он тщательно отчистил щеткой. Белье же было на нем всегда сносное; на этот счет он был особенно чистоплотен. Вымылся он в это утро рачительно, — у Настасьи нашлось мыло, — вымыл волосы, шею и особенно руки» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 162].

Одно из самых распространенных конфликтных отклонений от норм опрятности — это обонятельное противостояние высших и низших сословий: «<...> точно так же как человек склонен не замечать запаха собственного тела, он склонен воспринимать свою собственную социальную группу как лишенную запаха — пахнут всегда “чужие”» [Классен, 2010, с. 391].

Так, например, («Губернские очерки»): «И притом, скажите на милость, что может быть общего между мною, человеком благовоспитанным, и этими мужиками, от которых так дурно пахнет?» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 2, с. 262] или (Поликушка): «Мужики лежали в сенях на сене, <...> жевали хлеб, чесались и, главное, так наполнили сени особым мужичьим запахом, что Столярова жена, проходя мимо их, сплюнула и обругала их мужичьем» [Толстой, 1978–1985, т. 3, с. 338], или («Детство»): «Когда мы пошли садиться, в передней приступила прощаться докучная дворня. Их “пожалуйста ручку-с”, звучные поцелуи в плечико и запах сала от их голов возбуждали во мне чувство, самое близкое к огорчению у людей раздражительных» [Толстой, 1978–1985, т. 1, с. 50] и даже либеральный Павел Петрович Кирсанов, который «всякому рад помочь и, между прочим, всегда вступает за крестьян; правда, говоря с ними, он морщится и нюхает одеколон» [Тургенев, 1978–2014, т. 7, с. 33].

Как частный случай межсословных противостояний — это ольфакторная дистанция между слугой (лакеем) и его хозяином.

Рядом с запахом опрятного Чичикова постоянно присутствует запах лакея Петрушки, который имел обыкновение «спать не раздеваясь, так как есть, в том же сюртуке, и носить всегда с собою какой-то свой особенный воздух, своего собственного запаха» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 20]. «Чичиков, будучи человек весьма щекотливый и даже в некоторых случаях привередливый, потянувши к себе воздух на свежий нос поутру, только помарщивался да встряхивал головою, приговаривая: “Ты, брат, черт тебя знает, потеешь, что ли. Сходил бы ты хоть в баню”» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 20]. Н.Л. Зыховская замечает по этому поводу: «Если Петрушка — носитель естественного человеческого, устойчивого запаха — вызывает у Чичикова неудовольствие, <...> то в самом описании этого запаха у Гоголя присутствует доброжелательность и очевидное одобрение. Этот запах является знаком, “визитной карточкой” героя, запах всепроникающ, но — в рамках отношения автора — не является негативным, он просто есть» [Зыховская, 2016, с. 181–182].

Однако такой ольфакторный нейтралитет между автором и его персонажами — скорее, исключение. Как правило, ольфакторный конфликт более драматичен, когда автор упоминает «прислугу, одетую в какую-то вонючую, заплатанную рвань, распространявшую запах» («Пошехонская старина») [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 17, с. 21], «душные и вонючие помещения, в которых скучивались сальные девушки на ночь. И девичья, и прилежавшие к ней темные закоулки представляли ночью в полном смысле слова клоаку» («Пошехонская старина») [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 17, с. 256]. «Служанка моя — деревенская баба, старая, злая от глупости, и от нее к тому же всегда скверно пахнет» («Записки из подполья») [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 101], а в романе «Подросток» наличие неприятного запаха у лакея прочитывается как общая ольфакторная характеристика людей этого сословия: «Очень доволен был и еще один молодой парень, ужасно глупый и ужасно много говоривший, одетый по-немецки и от которого весьма скверно пахло, — лакей, как я узнал после» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 78]. В карикатурном описании лакея Видоплясова чрезвычайно интересно использование Достоевским «антизапаха»: запах духов и розовой воды от беленьких, чистеньких ручек лакея [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 41].

Еще одним, не менее распространенным в литературе XIX века ольфакторным конфликтом, национальной многовековой «социодрамой», был запах винного перегара. Вернее, специфическое сочетание перегарного дыхания с запахом несвежей одежды, немытого тела и прочих примет нравственной и физической нечистоты, неопрятности и деградации.

А.И. Герцен («Былое и думы»): «Человек лет за сорок, с небритым подбородком, испитым лицом, в засаленном сертуке, весь — снаружи и внутри — нечистый и замаранный, с небольшими плутовскими глазами и с тем особенным запахом русских пьяниц, составленным из вечно поддерживаемого перегорелого сивушного букета с оттенком лука и гвоздики для прикрытия» [Герцен, 1954–1966, т. 11, с. 318].

И.С. Тургенев («Отчаянный»): Миша «держался прилично и даже вид имел веселый и приятный, хотя заматерелый запах вина сопровождал его повсюду — и восточный костюм понемногу превращался в лохмотья», «вследствие этого порывистого движенья, еще сильнее обдал меня тем спиртным запахом, которым он весь был

пропитан», ему «определили особую комнату и тотчас же, первым делом, свели в баню, что было совершенно необходимо» [Тургенев, 1978–2014, т. 10, с. 36, 41].

М.Е. Салтыков-Щедрин («Мелочи жизни»): «Ежели прибавить к этому замечательную неопрятность и вечно присущий запах перегорелой сивухи, которым, казалось, было пропитано все его тело, то не покажется удивительным, что прекрасный пол сторонился от Гришки» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 16₂, с. 261].

Л.Н. Толстой («Альберт»): «<...> неприятный запах пьяницы и нечистоты, которым был пропитан музыкант <...>» [Толстой, 1978–1985, т. 3, с. 39].

Генерал Иволгин был одет «в старенький сюртучок, чуть не с продавшимися локтями; белье тоже было засаленное, — по-домашнему. Вблизи от него немного пахло водкой; но манера была эффектная, несколько изученная и с видимым ревнивым желанием поразить достоинством» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 80].

Как видно из приведенных выше цитат для выражения неприятных запахов в литературе использовались, как правило, общие определения: скверный, вонючий, неприятный, смердящий и т. д. Для усиления обонятельного впечатления описание дополнялось видом грязной, заношенной одежды, упоминанием сопутствующих неприятных запахов или источник запаха помещался в небольшое замкнутое пространство как, например: «Вся семья по случаю свадьбы приютилась в задних комнатах и стеснилась там до смрада» («Скверный анекдот») [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 37].

Помимо прямого указания на негативный телесный запах, связанный с образом жизни персонажа, в литературе присутствует и обширное метафорическое поле, в пределах которого применяется сравнение «пахнет как», имеющее, как правило, негативное значение, так как для сравнения используется неуместный для телесной сферы запах или запах болезни.

Так, например, в рассказе И.С. Тургенева «Часы» семинарист Транквиллитатин «носил мохнатый фризový кафтан, и пахло от него сырым мясом» [Тургенев, 1978–2014, т. 9, с. 70], а в черновых набросках к «Крокодилу» Достоевский использует физиологическую подробность: «Сатирические газеты-с. Нет веселости, пахнет изо рта, как у желчного человека» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 326].

Но нередко для уточнения «пахнет как» использовались некоторые бытовые запахи, ольфакторный смысл которых в наше время

практически утрачен или искажен. Так, в пьесе Вишневый сад Гаев обращается к лакею Яше: «Отойди, любезный, от тебя курицей пахнет». [Чехов, 1974–1983, т. 13, с. 211].

Из контекста короткой реплики понятно, что запах Яши оскорбляет аристократическое обоняние Гаева и это не аромат, например, жареной куриной тушки, а автор, скорее всего, подразумевает запах реальной живой курицы. Т. е. современному читателю предлагается ольфакторная деталь, отсутствующая в его арсенале запахов. Чтобы узнать, чем пахнет, знакомая нам еще по детским сказкам, Курочка-ряба, пришлось опросить всех, кто когда-то видел, содержал и обонял это пернатое существо. Оказалось, что главная составляющая куриного запаха — это пыльный запах сухого пера и соломы с ноткой навоза. И тут возникает две версии. Первая — реплику Гаева можно рассматривать как «оскорбление запахом», то есть лакею Яше место не в господском доме, а на его хозяйственных задворках, не господам прислуживать, а за курами ходить. Вторая — имеет прямой ольфакторный смысл. Сочетание запаха пыльных перьев и невозможной ноты свойственно отчасти запаху немытого тела и несвежего белья, что, собственно, и вызывает неприязнь Гаева. Эта неприязнь перерастает в чувство социальной брезгливости, когда Гаев, глядя на Яшу, не спрашивает, а утверждает: «От кого это селедкой пахнет!» [Чехов, 1974–1983, т. 13, с. 247]. Специфический запах селедки, а именно запах селедочного рассола, может приятно щекотать ваше обоняние на кухне, но совершенно неуместен как телесный запах⁶. Неуместность запаха — сильное негативное впечатление, бессознательно устанавливающее «зону отторжения».

Общие характеристики неприятных запахов, усиленные сопровождающими уточнениями, или их метафорические формы с неожиданным или необычным сопоставлением «пахнет как» в полной мере выполняют свои коммуникативные функции, предоставляя читателю возможность выстроить свой эмоциональный образ в соответствии с личным порогом ольфакторной терпимости. При

⁶ Здесь следует сделать небольшую оговорку относительно возможных версий современного прочтения этой ольфакторной детали. В медицинской практике причины «рыбного запаха» от человека объясняются наличием генетического заболевания или гормональных изменений. С этой точки зрения описание в романе И.А. Гончарова «Обрыв» нескладных потеющих четырнадцатилетних подростков современными читателями с медицинским образованием прочитывается как характерное проявление подросткового гормонального фона: «Не знали, бедные, куда деться, как сжаться, краснели, пыхтели и потели, пока Татьяна Марковна, частью из жалости, частью оттого, что от них в комнате было и тесно, и душно, и “пахло севргой”, <...> не выпустила их в сад <...>» [Гончаров, 2004, с. 364].

этом особенности личного восприятия негативных запахов не искажают общую смысловую нагрузку текста. Конкретизация запахов по источнику происхождения (дыхание, пот и прочие биологические выделения) обладает гораздо более сильным воздействием на сознание читателя. Происходит «навязывание» определенного запаха, исключающее возможность «не внюхиваться» в неприятный объект. Подобные описания запахов очень часто находятся, по выражению Н.Л. Зыховской, «за гранью ольфакторного табу».

Так, например, в рассказе Л.Н. Толстого «Ягоды»: «Доктор с внимательным видом, в пенсне» разглядывал содержимое ночного горшка, «палочкой ворочая вонючее содержимое» [Толстой, 1978–1985, т. 14, с. 222]. Князь Василий «обнял дочь, потом опять Пьера и поцеловал его дурно пахучим ртом» [Толстой, 1978–1985, т. 4, с. 270]. В романе «Воскресение»: «<...> к Нехлюдову быстрыми босыми шагами, придерживая кандалы, совсем близко подошел, обдавая его тяжелым и кислым запахом пота, арестант <...>» [Толстой, 1978–1985, т. 13, с. 398]. Знакомство читателей «Войны и мира» с Платоном Каратаевым начинается с описания запаха его пота: «Рядом с ним сидел, согнувшись, какой-то маленький человек, присутствие которого Пьер заметил сначала по крепкому запаху пота, который отделялся от него при всяком его движении» [Толстой, 1978–1985, т. 7, с. 50].

Позволю себе дерзость заметить, что такое злоупотребление чувствами читателя подобно лимбургскому сыру, о котором писал Достоевский в «Дневнике писателя» (1873) в фельетоне о сквернословии в высшем обществе: «Нравится им именно пакость и утонченность пакости, не столько скверное слово, сколько идея, в нем заключающаяся; нравится низость падения, нравится именно вонь, словно лимбургский сыр (неизвестный народу) утонченному гастроному; тут именно потребность размазать и понюхать и упиться запахом» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 116].

Достоевский в своих произведениях всегда был деликатен в отношении описания запахов, не злоупотребляя их эмоционально-визуальным потенциалом. Исключение, по понятным причинам, составляет лишь роман «Записки из Мертвого дома». Ольфакторий «Мертвого дома» представлен, прежде всего, запахами внутренних пространств тюрьмы, самое отвратительное из которых — лазарет. С лазаретом связано ярчайшее в своей омерзительности описание больничного халата, единственное, что можно условно отнести к те-

лесных запахам: «<...> с омерзением и любопытством невольно начал осматривать только что надетый мною халат. Тут я заметил, что он уже давно возбуждал мое внимание своими сильными запахом; он успел уже на мне нагреться и пахнул все сильнее и сильнее лекарствами, пластырями и, как мне казалось, каким-то гноем, что было немудрено, так как он с незапамятных лет не сходил с плеч больных» [Достоевский, 1972–1990, т. 4, с. 135]. Но выразительность и натурализм тюремных запахов лишь подтверждает общую ольфакторную сдержанность Достоевского и в отношении злоупотребляющих вином, и в отношении разного рода биологических запахов. Ничего лишнего, кроме необходимого.

В романе «Вечный муж»: «Алексей Иванович <...> наклонился к бывшему ему по плечу Павлу Павловичу и поцеловал его в губы, от которых очень пахло вином» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 49]. Опустившийся и износившийся генерал Иволгин, от которого «немного пахло водкой» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 80].

В Дневнике писателя (январь, 1876 года), описывая колонию малолетних преступников, он избегает излишней прямолинейности в отношении «некоторого запаха», ограничиваясь пояснением «что иные из воспитанников <...> и не очень маленькие, лет даже двенадцати и тринадцати, — так и делают свою нужду во сне, не вставая с койки» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 18].

Несвежее дыхание упоминается в связи с анекдотом о кавалере де Рогане, у которого «весьма дурно изо рта пахло» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 56], а запах пота — в романе «Униженные и оскорбленные»: «Но “переписчик” говорит, между прочим, что от сочинений моих вообще “пахнет потом”, то есть я до того над ними потею, тружусь, до того их отделяваю и отделяваю, что становится приторно» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 423–424].

Единственное подробное описание неприятного телесного запаха — это запах ребенка-подкидыша в романе «Подросток». Запах, казалось бы, неприятный, но при этом не воспринимается негативно, так как по сути — это всего лишь констатация ожидаемого и уместного обонятельного впечатления: «Я бережно вынул из лукошка Ариночку и приподнял ее за плечики; из лукошка пахло каким-то кислым и острым запахом, какой бывает от долго не мытого грудного ребеночка» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 80].

Как уже отмечалось ранее, общие указания на запах (скверный, неприятный и проч.) дополнялись для усиления эмоционального

впечатления описанием внешнего вида персонажей, и, прежде всего, состоянием одежды. Достоевский, как и многие писатели, его современники, был чрезвычайно внимателен к такого рода деталям, обращая внимание своих читателей не только на общую опрятность или заношенность одежды, но и на прочие знаковые приметы мужского туалета: совместимость по цвету, фасону, соответствие возрасту, моде, ситуации, наличие аксессуаров (кольца, перстни, цепочки, часы, брелоки) и прочие нюансы, детально описанные в различных «Правилах» и «Руководствах» о соблюдении приличий в порядочном обществе. Вот, для примера, характерологические описания мужского костюма в рассказе И.С. Тургенева «Два приятеля» и Лужина в романе «Преступление и наказание».

Готовясь нанести визит даме, Борис Андреевич «позаботился о своем туалете. На нем был щегольски сшитый просторный черный сюртук, приятно отделявшийся своей матовой массой от томного блеска светло-серых брюк, черный низенький галстух и красивый темно-синий жилет; золотая цепочка, прицепленная крючком к последней петельке, скромно терялась в боковом кармане; тонкие сапоги благородно скрипели, и вместе с появлением Бориса Андреевича разлился, в воздухе запах *Ess'bouquet*⁷ в соединении с запахом свежего белья» [Тургенев, 1978–2014, т. 4, с. 330].

Лужин, в ожидании встречи с невестой: «Всё платье его было только что от портного, и всё было хорошо, кроме разве того только, что всё было слишком новое и слишком обличало известную цель. <...> Даже прелестная пара сиреневых, настоящих жувенев-

⁷ *Ess Bouquet* — сокращение от *Essence Bouquet*, т.е. «Эссенция букета» (или «сущность»). В середине XIX века эти популярные духи выпускало множество фирм. Скелет парфюмерной композиции составляют ароматы розы, жасмина, лаванды и бергамота, к которому разные парфюмеры могли добавлять дополнительные цветочные ноты, но именно горьковатые цитрусы и лаванда создают настроение этому элегантному и сдержанному аромату. *Ess Bouquet* был самым популярным ароматом в литературе XIX века: «Прибавьте к этому тончайший запах *ess-bouquet*, которым он имел привычку душить свой носовой платок, — и вы получите разгадку того обаятельного действия, которое он производил на женщин» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 11, с. 461]. И, уверена, именно *Ess Bouquet*’ом благоухал батистовый платочек Лужина.

Болезненная реакция Достоевского на этот запах — «понесло духами» объясняется тем, что в то время любая ароматная композиция быстро выдыхалась (фиксаторы запаха вошли в практику парфюмеров лишь в начале XX века) и чтобы сохранить аромат в течение нескольких часов им пользовались с избытком. Но любые резкие запахи способны спровоцировать у человека, склонного к эпилепсии, если не припадок, то сильнейшую головную боль. Эти физиологические опасения Достоевского прослеживаются и в его художественных текстах как негативная характеристика персонажей (Трусоцкий, Лужин, *Лавиза* Ивановна), как причина головной боли (запах пачули и резеды в танцклассе), как причина панической атаки (горячий ветер бальной залы, испугавший Неточку).

ских, перчаток свидетельствовала то же самое, хотя бы тем одним, что их не надевали, а только носили в руках для параду. В одежде же Петра Петровича преобладали цвета светлые и юношесственные. На нем был хорошенький летний пиджак светло-коричневого оттенка, светлые легкие брюки, таковая же жилетка, только что купленное тонкое белье, батистовый самый легкий галстучек с розовыми полосками» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 113–114]. «Петр Петрович не спеша вынул батистовый платок, от которого понесло духами» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 226].

Пожалуй, кроме Тургенева никто из современников Достоевского не уделял такого внимания малейшим деталям мужского костюма. Но отличительная особенность Достоевского в такого рода описаниях (даже совсем кратких) — это пристальное внимание к состоянию белья персонажа, элемента одежды, без которого невозможна внешняя завершенность туалета и которое слишком откровенно свидетельствует о «внутренней», реальной чистоте. Эта особенность продиктована, вероятно, и глубоко личными мотивами.

Первое впечатление С.Д. Яновского о Достоевском: «Одет он был чисто и, можно сказать, изящно; на нем был прекрасно сшитый из превосходного сукна черный сюртук, черный казимировский жилет, безукоризненной белизны голландское белье и циммермановский цилиндр <...>» [Яновский, 1990, с. 231].

Анна Григорьевна вспоминает свою первую встречу с Достоевским: «Одет он был в синей куртке, довольно уж засаленной (он говорит, что носит ее 6 или 7 лет) и в серых панталонах, но в очень чистом белье. В этом нужно было ему отдать справедливость, я его никогда не видела ходящим в грязном белье» [Достоевская, 1993, с. 305].

Опрятность в одежде — это черта характера, прививаемая с детства, навык, закрепляемый в процессе самостоятельной социализации, правила поведения, неукоснительное соблюдение которых определяет социальную идентичность. Об исторически сложившемся уважении установленных правил, определяющих социальные границы общества, Достоевский писал в «Дневнике писателя» (1876): «Всякому обществу, чтобы держаться и жить, надо кого-нибудь и что-нибудь уважать непременно, и, главное, всем обществом, а не то чтобы каждому как он хочет про себя» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 153–154]. Семенов-Тянь-Шанский вспоминал: Достоевский «чувствовал себя дворянином даже и на каторге, и не с действительной нуждой он боролся, а с несоответствием своих средств даже не

с действительными потребностями, а нередко с психопатическими запросами его болезненной воли» [Семенов-Тянь-Шанский, 1990, с. 300]. Об этой же проблеме Достоевского с проницательностью светской женщины писала Е.А. Штакеншнейдер: «Многие, со страхом подходя к нему, не видят, как много в нем мещанского, не пошлого, нет, пошел он никогда не бывает, и пошлого в нем нет, но он мещанин. <...> Теперь он часто бывает в аристократических домах и даже в великокняжеских и, конечно, держит себя везде с достоинством, а все же в нем проглядывает мещанство» [Штакеншнейдер, 1990, с. 366]. «Меня всегда поражало в нем, что он вовсе не знает своей цены, поражала его скромность. Отсюда и происходила его чрезвычайная обидчивость, лучше сказать, какое-то вечное ожидание, что его сейчас могут обидеть» [Штакеншнейдер, 1990, с. 371].

Это напряженное и нервное опасение вызвать насмешки проявилось у Достоевского уже в годы его учебы в Инженерном училище в его письмах к отцу: «Волей или неволей, а я должен сообразоваться вполне с уставами моего теперешнего общества. К чему же делать исключенье собою? Подобные исключения подвергают иногда ужасным неприятностям» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 60].

Последующие жизненные обстоятельства лишь способствовали укоренению его болезненного отношения к мнению окружающих. Отражение этой внутренней драмы проецируется, например, в рассуждениях автора о причинах «бестолковых поминок» Мармеладова: «<...> многие бедняки таращатся из последних сил и тратят последние сбереженные копейки, чтобы только быть “не хуже других” и чтобы “не осудили” их как-нибудь те другие» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 290]. Постоянная необходимость экономии, навязчивое ощущение «несоответствия средств», сформировали уже в юные годы ту социальную неуверенность, которая и стала одной из причин трепетного отношения Достоевского к одежде, а особенно к качеству и состоянию белья как к одному из значимых доказательств социальной принадлежности.

Анна Григорьевна даже в самых стесненных обстоятельствах соблюдала принятые Достоевским правила: «Сегодня днем я стираю несколько платков, воротничков и рукавчиков. У нас теперь так мало чистого белья, что мне придется в понедельник выстирать Феде рубашку и выгладить ее, а то решительно нечего надеть, а это будет уж слишком нехорошо, если ему придется носить грязное белье» [Достоевская, 1993, с. 192–193].

Так и Катерина Ивановна в романе «Преступление и наказание» изводила себя ночными стирками: «<...> ибо дошли до того, что переменного белья уже совсем почти не было, и было у каждого члена семейства по одному только экземпляру, а Катерина Ивановна не могла выносить нечистоты и лучше соглашалась мучить себя по ночам и не по силам, когда все спят, чтоб успеть к утру просушить мокрое белье на протянутой веревке и подать чистое, чем видеть грязь в доме»⁸ [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 140]. Возвышенный эгоизм Версилова выражался в том, что «он готов был носить белье по два дня, что даже огорчало мать; это у них считалось за жертву, и вся эта группа преданных женщин прямо видела в этом подвиг» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 86].

Практически каждое описание внешнего вида мужчин всех возрастов и сословий не обходится у Достоевского без упоминания этой детали мужского туалета. Даже если мы обратимся только к роману «Преступление и наказание», картина будет достаточно представительной.

Лужин, обладатель только что купленного тонкого белья и батистового самого легкого галстучка с розовыми полосками.

Зосимов: «Одет он был в широком щегольском легком пальто, в светлых летних брюках, и вообще всё было на нем широко, щегольское и с иголочки; белье безукоризненное, цепь к часам массивная» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 103].

Свидригайлов: «Одежда Свидригайлова была щегольская, летняя, легкая, в особенности щеголял он бельем. На пальце был огромный перстень с дорогим камнем» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 357–358].

Порфирий Петрович «был по-домашнему, в халате, в весьма чистом белье и в стоптанных туфлях» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 192].

⁸ Проекция личного в тексте романа не ограничивается только общей проблемой Анны Григорьевны и Катерины Ивановны, но просматривается, например, в приведенном выше описании Лужина, а именно — упоминание прелестной пары «сиреневых, настоящих жуvenевских, перчаток», которые «не надевали, а только носили в руках для парада». О таком же «бережном» отношении Достоевского к этой важной детали мужского туалета писала Анна Григорьевна: «<...> он потерял свои светло-сиреневые перчатки, которые у него с незапамятных времен. Он их никогда не надевает, а только держит в руке и несколько раз забывал их где-нибудь в лавке. Всякий раз я ему их поднимала, но на этот раз они потеряны безвозвратно, он очень их жалеет» [Достоевская, 1993, с. 91].

Разумихин: «Белье же было на нем всегда сносное; на этот счет он был особенно чистоплотен» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 162].

Заметов был «в щегольском жилете и в несколько потертом сюртуке и несвежем белье» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 124].

Несвежее, заношенное, а иногда вообще отсутствующее (сын Павлищева) мужское белье было проявлением вопиющей неопрятности. Это стало поводом для генеральши надавать пощечин Федору Павловичу и Григорию от одного вида грязных детей: «С первого взгляда заметив, что они не вымыты и в грязном белье, она тотчас же дала еще пощечину самому Григорию и объявила ему, что увозит обоих детей к себе, затем вывела их в чем были, завернула в плед, посадила в карету и увезла в свой город» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 14].

Грязное белье — это, художественная деталь, которая использовалась Достоевским не только для характеристики персонажей, но и для нравственной драматизации их переживаний. Так, например, Митя физически страдает, когда устроенный ему личный досмотр выставил напоказ его несвежее белье: «Но снять носки ему было даже мучительно: они были очень не чисты, да и нижнее белье тоже, и теперь это все увидали [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 435], «Слишком уж пристально мои носки осматривал, да еще велел, подлец, выворотить, это он нарочно, чтобы выставить всем, какое у меня грязное белье!» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 437]. Современный читатель, воспитанный в иных культурных правилах, несколько удивится, что состояние белья волнует Митю исключительно с точки зрения общественных приличий, а главное, казалось бы, нравственное беспокойство по имени Грушенька остается где-то на втором плане. Вот ведь даже «циник и грязный неряха» Разумихин тщательно моется и приводит в порядок свою одежду всего лишь для того, чтобы «не оскорблять чувства» дам, подразумевая прежде всего Авдотью Романовну. А тут — давняя любовь, страсть, возможность близости и — грязные носки.

В понимании читателей XIX века лексемы загрязниться, запачкаться и засалиться были синонимы⁹ и вот замечательный тому

⁹ В словаре В. Даля: «Засаливать, засалить — замаслить, вымарать салом, жиром; загрязнить, замарать, запачкать» [Даль, 1955, с. 632]. В словаре М.И. Михельсона: «Засалиться — (иноск.) запачкаться, загрязниться». «Сальности — грязные, неприличные слова» [Михельсон, 1912, с. 257, 768].

пример — в диалоге Чичикова и Настасьи Петровны Коробочки «засалиться» используется в непривычном для нас значении: «Эх, отец мой, да у тебя-то как у борова, вся спина и бок в грязи; где так изволил засалиться? — Еще слава богу, что только засалился; нужно благодарить, что не отломал совсем боков. — Святители, какие страсти! Да не нужно ли чем потереть спину? — Спасибо, спасибо. Не беспокойтесь, а прикажите только вашей девке повысушить и вычистить мое платье» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 46].

Засаленность одежды была для Достоевского самой негативной характеристикой персонажей, самой невозможной, крайней степенью неопрятности, приметой, нищеты, хронического пьянства, нравственной нечистоты, порочности и проч.

Так, для Макара Деушкина засаленная одежда соседа Горшкова — обнадеживающее различие между нищетой и бедностью: «Горшков; такой седенький, маленький; ходит в таком засаленном, в таком истертом платье, что больно смотреть; куда хуже моего!» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 23]. Обнищавший шут Ежевикин: «Он был во фраке, очень изношенном и, кажется, с чужого плеча. Одна пуговица висела на ниточке; двух или трех совсем не было. Дырявые сапоги, засаленная фуражка гармонировали с его жалкой одеждой» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 50]. Вконец опустившийся «засаленный Андреев» в романе «Подросток»: «Длинный парень стаскивал с себя галстук — совершенно истрепавшуюся и засаленную ленту или почти уж тесемку <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 380].

Процентщик Марков («Бедные люди»): «<...> седенький, глазки такие вороватенькие, в халате засаленном и веревкой подпоясан» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 78]. Федор Павлович Карамазов «похаживая по комнате из угла в угол, держа руки по карманам своего широкого, засаленного, из желтой летней коломянки, пальто» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 157].

Спившийся «чудодейственный философ» Коровкин в «Селе Степанчикове» является «во фраке необыкновенно истасканном, в пуху и в сене, и сильно лопнувшем под мышкой, в *pantalon impossible* и при фуражке, засаленной до невероятности, которую он держал на отлете. Этот господин был совершенно пьян» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 156]. В рассказе «Скверный анекдот» «какая-то невзрачная личность в засаленном сюртуке, упал со стула, как только сел за стол, и так и оставался до самого окончания ужина» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 29].

Оба пана в Мокром, в грязных смазных сапогах «были одеты довольно засаленно» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 380]. В рассказе «Крокодил» немец, владелец магазина «расхаживал по-домашнему в каком-то засаленном старом сюртучишке» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 193].

Вершиной эстетической неприязни Достоевского был угреватый человек в несвежей рубашке с чем-то засаленным вокруг шеи, издающий, в связи со всем этим, неприятный запах. Причина угревой сыпи на лице — это, как правило, гормональные нарушения, но для повседневного быта XIX века эта физиологическая причина дополнялась еще и гигиенической. Поэтому вид нездоровой и сальной кожи, покрытой угрями, свидетельствовал о неопрятности человека так же, как и его несвежее белье, и засаленные воротнички.

Молодой человек, выходявший на каждой станции пить водку («Подросток»): «Возвращаясь в тот же день, я заметил в вагоне одного плюгавенького молодого человека, недурно, но нечисто одетого, угреватого, из грязновато-смуглых брюнетов» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 77]. В «Записках из подполья»: «Я испугался того, что меня все присутствующие, начиная с нахала маркера до последнего протухлого и угреватого чиновнички, тут же увивавшегося, с воротником из сала, — не поймут и осмеют, когда я буду протестовать и заговорю с ними языком литературным» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 128–129]. В романе «Преступление и наказание»: «Одним словом, явились только: полячок, потом один плюгавенький канцелярист без речей, в засаленном фраке, в угрях и с противным запахом» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 293]. «Сын Павлищева» в романе «Идиот»: «<...> был молодой человек, бедно и неряшливо одетый, в сюртуке, с засаленными до зеркального лоску рукавами, с жирною, застегнутою доверху жилеткой, с исчезнувшим куда-то бельем, с черным шелковым замасленным до-нельзя и скатанным в жгут шарфом, с немытыми руками, с чрезвычайно угреватым лицом» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 215].

В рамках настоящего исследования мы сознательно не будем рассматривать обширную область использования лексемы «сальный» в описаниях частных и общественных интерьеров или в индизаторном ее значении, как устойчивую или авторскую метафору для личностной характеристики персонажей. Оставим и «сального шута» Фердыщенко, и Версилова, который готов «засалить своим цинизмом трагизм факта» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 90].

По сути, это отдельная большая тема, в которой засаленное белье — лишь частный случай.

Как видно из приведенных выше цитат далеко не каждое упоминание грязной/засаленной одежды сопровождается указанием на запах. Прямая связь «запах — одежда» прослеживается, например, в «Записках из подполья» в описании одного из «канцелярских»: «<...> вицмундир был до того заношенный, что близ него уже дурно пахло» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 124], в описании приятеля Ламберта Андреева в засаленном галстуке и грязной рубашке: «От него пахнет; он неряха <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 347], в описании Пселдонимова: «И сколько бедствий он вынес в своей канцелярии: к нему подходило начальство с вопросом, давно ли он был в бане? Про него ходила молва, что у него под воротником вицмундира гнездами заводятся клопы» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 35].

Однако это не значит, что во всех прочих случаях грязное белье — лишь визуальная деталь облика персонажей. Одна из особенностей нашего сознания — это ожидание определенного запаха исходя из внешнего вида объекта и потому визуальная деталь, как в литературе, так и в повседневности, связана с ольфакторными проявлениями близкого контакта, будь то немытое тело или заношенное белье.

Возможно, эта связь визуального образа и ожидаемого запаха есть еще одна причина пристального внимания Достоевского к чистоте белья. Как человек, физиологически предрасположенный к обостренному восприятию запахов, он инстинктивно опасался близких контактов с их источником: «<...> чувство неприязни к определенной категории людей обычно предшествует ощущению, будто они дурно пахнут, и практически создает это ощущение» [Классен, 2010, с. 391].

Неприятные телесные запахи воспринимаются нашим сознанием как форма ольфакторной агрессии, как запах «чужого», а на определении «чужого» строится и система межклассовой идентификации. По этой причине Мите Карамазову так мучительна публичная демонстрация его несвежего белья как форма социального ольфакторного унижения. А для Ламберта «засаленный Андреев» — это неприятная возможность быть скомпрометированным в глазах общества: «От него пахнет; он неряха; его нельзя брать никуда. Как я его повезу обедать?» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 347].

В заключение хочу остановиться на еще одном упоминании телесного запаха, хотя он по своему смысловому значению и выходит за рамки рассмотренных нами характерологических функций. Этот запах можно определить как запах идеи. Идеи, чрезвычайно важной для Достоевского: «— Я тебе должен сделать одно признание, — начал Иван: — я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних <...> Я читал вот как-то и где-то про “Иоанна Милостивого” (одного святого), что он, когда к нему пришел голодный и обмерзший прохожий и попросил согреть его, лег с ним вместе в постель, обнял его и начал дышать ему в гноящийся и зловонный от какой-то ужасной болезни рот его. <...>

— Об этом не раз говорил старец Зосима, — заметил Алеша, — он тоже говорил, что лицо человека часто многим еще неопытным в любви людям мешает любить. <...> Потому, например, что от меня дурно пахнет, что у меня глупое лицо, потому что я раз когда-то отдал ему ногу» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 215–216].

Эта цитата интересна и тем, что является еще одним литературным пересечением Достоевского и Лескова. Невозможность возлюбить своих ближних, связанная с ольфакторным отвращением, составляет один из кульминационных моментов рассказа Лескова «На краю света (из воспоминаний архиерея)».

Впервые рассказ был опубликован в 1875–76 годах в журнале «Гражданин» (№ 52, 28 декабря и 1876, №№ 1–4 и 6 от 5, 12, 18, 25 января и 8 февраля). В библиотеке Ф.М. Достоевского значится отдельное издание 1877-го года, сборник, состоящий из двух взаимосвязанных рассказов: «На краю света» и «Владычный суд» [Библиотека, 2005, с. 63]. Оба рассказа, основанные на событиях из жизни ярославского архиепископа Нила, терзаемы теми же вопросами веры, что и роман «Братья Карамазовы».

Повествователь этих событий, тогда еще молодой епископ¹⁰, назначенный миссионерствовать в отдаленную Сибирскую губернию, попадает во время одной из поездок в ледяную метель. Его, «голодного и обмерзшего» согревает своим зловонным дыханием проводник, а он не может найти в себе силы возлюбить «своего ближнего», потому что не может выносить этот чужой запах: «Четверодневный Лазарь в Вифанской пещере не мог отвратительнее смердеть, чем

¹⁰ Нил был переведен из Вятки, где он был епископом, в Иркутск в 1838 году и пробыл в Сибири до 1854 года. Возможно, это обстоятельство имеет отношение и к образу «захожего монашка» из далеких сибирских просторов.

этот живой человек; это было что-то хуже трупа — это была смесь вонючей оленьей шкуры, острого человеческого пота, копоты и сырой гнили, юколы, рыбьего жира и грязи... О Боже, о бедный я человек! Как мне был противен этот, по образу Твоему созданный, брат мой!» [Лесков, 1956–1958, т. 5, с. 491]. В рассказе «Владычный суд», написанном в 1876 году, Лесков продолжает эту тему, заменяя смесь отвратительных запахов страшным в своей символичности запахом кровавого пота: «Передо мною, казалось, стоял не просто человек, а какой-то кровавый, исторический символ» [Лесков, 1956–1958, т. 6, с. 112], «<...> вонючая сукровичная влага, которою была пропитана рыхлая обертка поданных им мне бумаг и которою смердели все эти “документы”, была не что иное, как кровавый пот» [Лесков, 1956–1958, т. 6, с. 111], «<...> я, к стыду моему, был немножечко брезглив, а от него так противно пахло этим кровавым потом» [Лесков, 1956–1958, т. 6, с. 115]¹¹.

И как бы не отличался ольфакторный экстремизм Лескова от сдержанности Достоевского их объединяет одно — выбор причины, мешающей возлюбить ближнего «неопытным в любви людям». Эта причина — непреодолимость обонятельного отвращения.

Обонятельные реакции не подвластны манипуляциям сознания, так же как и вызванные ими физические ощущения: желудочные спазмы, тошнота, характерная произвольная гримаса, призванная отогнать запах. Отвращение, как защитная функция организма от внешней опасности, проявляется в произвольном стремлении к отторжению.

И если ранее, у гроба мертвой жены Достоевский осмыслил невозможность возлюбить ближнего как философскую и религиозно-нравственную категорию, то в романе «Братья Карамазовы» он использует ее материальное воплощение — запах. Запах, по природе своей, создает в нашем сознании ярчайшие, неоформленные словесно, впечатления и образы, ставящие читателя в положение

¹¹ Еще одна ольфакторная деталь связывает рассказ «На краю света» и роман Достоевского. Одно из центральных мест рассказа занимает образ старца, отца Кириака, полагающего доброту как единственно правильный путь обращения северных кочевников в христианскую веру, за что после смерти стал почитаем ими почти как святой. Его смерть, так же как и смерть старца Зосимы, связана с запахом разложения: «<...> тут в юрте, близ тусклого вонючего огня, я нашел моего честного старца, <...> он еще жив был, но ужасный запах, который обдал меня при приближении к нему, сказал мне, что дух, стерегший дом сей, отходит» [Лесков, 1956–1958, т. 5, с. 510].

непосредственного соучастника эмоциональных переживаний героя и автора¹².

* * *

Рассмотренный нами один из аспектов телесного запаха в текстах Достоевского обнаруживает обширное, незатронутое вниманием исследователей пространство: информативные свойства мужского костюма, запах грязи, особенности использования лексики «сальный», запах трактиров, характерологические функции описания рук и многое другое. Любое из этих направлений неизбежно приводит нас к более глубокому пониманию личности писателя, так как реалии повседневного быта XIX века с утраченным частично или полностью смыслом составляют основу художественной образности языка и Достоевского и его современников.

Список литературы

1. Библиотека Достоевского, 2005 — Библиотека Ф.М. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
2. Богданов, 2010 — *Богданов К.* «Тлетворный дух» в русской литературе XIX века: (анти)эстетика как мораль // Ароматы и запахи в культуре: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Кн. 2. С. 101–133.

¹² В рассказе «На краю света» есть еще одна подробность, перекликающаяся с романом Достоевского. В том же диалоге Иван обращается к Алеше: «слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно. И если только я честный человек, то обязан возвратить его как можно заранее. Это и делаю. Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет Ему почтительнейше возвращаю» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 223]. Примечания к роману поясняют фразу о возвращении «билета на вход» как «намек на стихотворение Ф. Шиллера» в переводе Г. Данилевского [Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 555]. В рассказе Лескова, в ключевом диалоге повествователя и старца, отца Кириака, о сути православной веры, так же возникает тема «билета на вход»: «— Ну, вот мы с тобою крещены, — ну, это и хорошо; нам этим как билет дан на пир; мы и идем и знаем, что мы званы, потому что у нас и билет есть. — Ну! — Ну а теперь видим, что рядом с нами туда же бредет человечек без билета. Мы думаем: “Вот дурачок! напрасно он идет: не пустят его! Придет, а его привратники вон выгонят”. А придем и увидим: привратники-то его погонят, что билета нет, а хозяин увидит, да, может быть, и пустить велит,— скажет: “Ничего, что билета нет,— я его и так знаю: пожалуй, входи”, да и введет, да еще, гляди, лучше иного, который с билетом пришел, станет чествовать» [Лесков, т. 5, с. 472].

Но даже учитывая взаимный интерес Достоевского к творчеству Лескова, время написания и публикации рассказа, общий контекст употребления этой детали, не могу соблазниться излишней категоричностью в отношении творческого заимствования. Два талантливых художника, два современника, живших в общем культурно-историческом пространстве, обсуждая болезненные для обоих темы религиозных убеждений, могли обратиться к одному и тому же литературному символу.

3. Вавилов, 1818 — *Вавилов П.А.* Драгоценный подарок детям или новая и полная российская энциклопедическая азбука, содержащая в себе все нужные и полезные познания для детей и других некоторого возраста и звания людей. М.: Тип. Решетникова, 1818. 190 с.

4. Вигарелло, 2010 — *Вигарелло Ж.* Чистое и грязное: телесная гигиена со времен средневековья // Ароматы и запахи в культуре: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Кн. 1. С. 525–562.

5. Герцен, 1954–1966 — *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. М.: АН СССР, 1954–1966.

6. Гоголь, 1937–1952 — *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

7. Гончаров, 2004 — *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 2004. Т. 7. 771 с.

8. Даль, 1955 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 1. 699 с.

9. Деханова, 2021 — *Деханова О.А., Деханов М.Е.* Отражение ольфакторных традиций второй половины XIX века в произведениях Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3 (15). С. 121–156.

10. Достоевская, 1993 — *Достоевская А.Г.* Дневник 1867 года. М.: Наука, 1993, 454 с.

11. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

12. Захарьин, 2010 — *Захарьин Д.* Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории // Ароматы и запахи в культуре: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Кн. 2. С. 280–308.

13. Зыховская, 2016 — *Зыховская Н.Л.* Ольфакторий русской прозы XIX века: дис. ... доктора филол. наук. Екатеринбург, 2016. 518 с.

14. Классен, 2010 — *Классен К., Хоувз Д., Синнотт Э.* Аромат. Культурная история запаха. Главы из книги // Ароматы и запахи в культуре: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Кн. 2. С. 383–458.

15. Лесков, 1956–1958 — *Лесков Н.С.* Собр. соч.: в 11 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956–1958.

16. Михельсон, 1912 — *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. СПб.: Тип. акционерного общества «Брокгауз-Ефронъ», 1912. 1046 с.

17. Мозм, 1994 — *Мозм С.* Собр. Соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1994. Т. 5. 510 с.

18. Правила, 1889 — *Правила светской жизни и этикета: Хороший тон: Сборник советов и наставлений на разные случаи домашней и общественной жизни.* Составители Юрьев и Владимирский, СПб.: Тип. В.А. Тиханова, 1889. 413 с.

19. Руководство, 1855 — *Руководство к познанию светских приличий и правил общежития, принятых хорошим обществом.* Составитель Д.И. Соколов. Издание третье, М.: Типография Ведомства Московской городской полиции, 1855. 142 с.

20. Салтыков-Щедрин, 1965–1977 — *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1965–1977

21. Семенов-Тянь-Шанский, 1990 — *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Из «Мемуаров» // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 291–311.
22. Толстой, 1978–1985 — *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1978–1985.
23. Тургенев, 1978–2014 — *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Наука, 1978–2014.
24. Угличанинова, 1901 — *Угличанинова М.С.* Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов. М.: Типо-Литография Товарищества Владимир Чичерин, 1901. 40 с.
25. Черепнин, 1915 — *Черепнин Н.П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк: 1764–1914 гг. Петроград: Гос. Тип., 1915. Т. 3. 761 с.
26. Чехов, 1974–1983 — *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983.
27. Штакеншнейдер, 1990 — *Штакеншнейдер Е.А.* Из «Дневника». О Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. С. 359–376.
28. Яновский, 1990 — *Яновский С.Д.* Воспоминания о Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 230–251.

References

1. *Biblioteka F.M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [Fyodor Dostoevsky's library: Attempt of Reconstruction. Scientific Description]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
2. Bogdanov, K. “‘Tletvornyi dukh’ v russkoi literature XIX veka: (anti)estetika kak moral’ [“Corrupting spirit’ in 19th-Century Russian Literature: (Anti)Aesthetics as Morality”]. *Aromaty i zapakhi v kul'ture: sbornik statei. Kniga 1* [Aromas and Odors in Culture: Collected Articles. Book 1], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 101–133. (In Russ.)
3. Vavilov, P.A. *Dragotsennyy podarok detiam ili novaia i polnaia rossiiskaia entsiklopedicheskaia azbuka, sodержashchaia v sebe vse nuzhnye i poleznye poznaniia dlia detei i drugikh nekotorigo vozrasta i zvaniia liudeo* [A Precious Gift for Children or a New and Complete Russian Encyclopedic Alphabet Containing All the Necessary and Useful Knowledge for Children and Others of Some Age and Rank of People]. Moscow, Tipografiia Reshetnikova Publ., 1818. 190 p. (In Russ.)
4. Vigarello, Zh. “Chistoe i griaznoe: telesnaia gigena so vremenem srednevekov’ia” [“The Clean and the Dirty: Bodily Hygiene Since the Middle Ages”]. *Aromaty i zapakhi v kul'ture: sbornik statei. Kniga 1* [Aromas and Odors in Culture: Collected Articles. Book 1], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 525–562. (In Russ.)
5. Gertsen, A.I. *Sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Moscow, USSR IWL AS Publ., 1954–1966. (In Russ.)
6. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh* [Complete Works: in 14 vols]. Moscow, Leningrad, USSR AS Publ., 1937–1952. (In Russ.)